

«цепи солидарности»

ТРИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТА / -ТКИ БЕЛАРУСИ

Анна Комар

Кукла

Эта кукла ни в чем не виновата.
Ей выдрали глаз, а вместо него — вплющили пуговку.
С особой жестокостью отрезали ухо.
Зашили рот толстой иглой для обуви.
Оторвали руку, кинули кошке играть,
Промеж ног прорезали дырку,
чтоб могла нарожать подобных себе выроdkов.
Перетянули шею розовой лентой с бантом
да носятся с ней, качают ее в колыбели,
кормят с ложки, а еда стекает по подбородку —
платице заляпано чем-то,
похожим на суп и сперму.
У куклы на теле появляются пятна,
хозяйке все это — непонятно:
разве я плохо тебя лелею?!
Обижается — неблагодарная кукла!
...А ночью кукла открывает глаз,
развязывает узел на шее,
отрывает второе ухо и запихивает
его в промежность,
чтобы заполнить пустоту.
Доползает к тем, кто однажды принес ее в дом,
и ложится между ними в постель.

в нашей камере

на четверых
все общее:
жидкий белый
липкий охровый свет
скрип кровати
холод, скрученный баранкой
солнце за густым стеклом
чистый воздух из щели в окне
грохотание свободных поездов
лязганье дверей
перестукивания через стены
жы-ве-бе-ла-русь
теплая вода в душе

дезодорант
газета сканвордов
голос, читающий книгу
сгущенное время
просьбы
проклятия
кошмары
и одно на всех
«когда я выйду на волю...»

женские цепи солидарности

вдоль дороги ни цветов, ни слез,
только звон в ушах...
я хочу быть снова телом своим.

не красным, не белым, не черным,
не руками, что держат упрек,
а босиком по траве.

надеваю наперсток
и глажу тебя по волосам,
если я так с пальцами —
представь мое сердце.

живая женщина,
не штандарт,
не надежда,
хочу вернуть себе
голос и тело,

может быть, никогда я так сильно
этого не хотела...



ограничена комком манным,
подолом мамкиным,
ограничена чашечкой с трещиной
вдоль розы,
ограничена розочкой,
которую маме дарит не ее муж,
ограничена маминым мужем,
а он — воспоминаниями о голове курицы,
что у него на глазах отсек папа,
как не ограничивать себя сейчас — вдруг
ты, или вдруг тебе —

голову, ограниченную яйцом,
ограниченную сеткой-рабицей
зерном, семенем,
отчеством,
комком мамкиным,
подолом, трещиной,
как веревкой — вешатель,
последним зубом целым;
телом...

теперь, когда ты знаешь,
что я за зверь, —
освободи
или беги.

Кристина Бандурина Повседневность

Железные прутья дверей,
растрескавшийся кирпич стен,
грязный кусок осточертевшего потолка —
все, что дано было видеть
маленькой обезьянке,
которая родилась и росла
под пристальным присмотром
прожекторов и камер,
среди колбочек и микроскопов.

Дни перетекают в ночи,
ночи в дни, и где что —
ей неизвестно:
солнце над ее головой,
проглядывает из кусков стекла.
Приходят люди
посмотреть на диво:
домашнюю обезьяну.
И крадут ее воздух.

Когда закрываешь глаза,
ждет ли кто-то
по ту сторону правды,
что ты
откроешь их снова?

05.03.2015



их зашивали под кожу
при рождении
эксперименты природы
сначала взорвался
реактор агрессии
после мы болтались
в грязных лужах
безразличия
холодные спицы
пробивали кости

пока мы старательно
притворялись гармонией
играли в образцовые модели общества
и прикрывали пьяные драмы
халявными пледиками из гуманитарки
детям активно вшивали под кожу
суррогатные гены любви
и эти рудиментарные частички
от каждого удара
прорастали
укоренялись
и сгнивали внутри
маленьких подопытных

по затопленным улицам этого города
плывет генетика страха
во мне умирают хиросимы
и холодные острые спицы
выпирают наружу
мешают чувствовать
теплые ноги
земли

11.01.2018



больше всего
ему нравилось
бить по голове

с таким звуком
разбиваются сырые яйца
только удары
намного громче
и эхо потом
долго стоит в ушах

яркой вспышкой
пронзает затылок
фантомная боль
сотен чужих смертей

попробуй сфокусироваться
на птичках
когда тебе загоняют
гвозди в голову

я стою на коленях
в помещении без окон

череп
крошится как бетон

пожизненное
это тоже
выбор

Инструкция по размазыванию человека

Ваш главный инструмент — это страх.
Страх боли сильнее, чем сама боль.
Если вы управляете их страхом, вы управляете ими.

Отберите у них голос, заставьте заткнуться.
Если кричат — бейте. Бейте сильнее
за их крики.

Темнота, черная униформа, информационная блокада,
засады во дворах, взрывы, пули,
дезинформация, раскол, парады спецтехники,
синяки, переломы, ЧМТ,
хорошо бы пару жмуров — но не больше,
потом не успокойте,
что-нибудь «случайное»:
самодельная граната, сердечная недостаточность, суицид.

Чем больше страха, тем больше тишины.

Брать всех.
«Стакан», «баня», растяжка, карцер,
исправительная работа с дубинками —
научите их любить родину правильно.

Страх боли сильнее, чем сама боль.
Каждый гипотетический удар болезненней,
чем реальный.

Телефоны, телеграммы, каналы,
их сопливые переписки с мамками,
связь с организаторами...
Держите их голыми,
палки с гондонами наготове,
если вы.бываются — пускайте в ход.
Ни одна сука потом не выйдет.

Никакой помощи. Никакой пощады.
Они нас не пожалеют.
Бросьте им, как собакам, кусок хлеба на всех,
чтобы перегрызлись.
Пить тоже не давать.
И трое суток без параша —
посмотрим тогда на обосранных коров.

А когда выпускаете — квитанцию в зубы:
пусть платят
за свою свободу,
если она была им нужна
такой.

20.08.2020



Над запутанной паутиной улиц
в скрижалях неба
распускается тайный язык самолетов.
Падаю в твои руки
и в ожидании ухода
перебираю пальцами
хрупкие мгновения.

Напряженно гудят провода трамваев
от нежности и безысходности
своих маршрутов.
Расстроенный светофор
жмурит глаза
в безмолвном сочувствии.

Я держу в ладонях
легкий июльский ветер,
непрерывный ход магистралей
и терпкое давление алкоголя.

Каждый раз,
когда ты уходишь,
замирают самолеты,
лопаются трамвайные линии
и чуткие глаза светофоров
вгрызаются в мое сердце.

Владимир Ленкевич
6 стихотворений осени 2020

*

32 года назад
я был впервые на марше
по этому маршруту
в Куропаты¹
в тот раз в детской коляске
а в этот — убегал и жался
возле пятиэтажек
перепрыгнул неудачно
ограждение детского сада
подвернул ногу
добрался до скамейки
мимо бегают надежды
в человеческом обличье

кто б меня посадил
в коляску как 32 года назад
и вывез отсюда

*

— всю ночь во дворе били людей
всю ночь во дворе били людей

лаяли собаки
лаяли собаки

вы слышали?

— успокойся
тебе показалось
тебе показалось
никого не били
никого не били
ведь ты не услышал бы
ударов дубинки по телу
беззвучно бьет
дубинка по телу

1 Куропаты — урочище вблизи Минска с массовыми захоронениями расстрелянных НКВД.

*

суд через битый айфон охранника
садишься в этой камере
смотри батарея садится
будем судить в ускоренном темпе
поэтому не надо возражать
это в твоих интересах
ведь когда батарея сядет
ты не услышишь приговора
не узнаешь сколько
мы будем тебя держать
будешь лежать
и думать сколько еще
тебе нюхать это дерьмо

сейчас я говорю о реальном дерьме
дерьмо которое состоит
из говна твоего сокамерника с нижних нар
из говна твоего сокамерника с верхних нар напротив
из твоего собственного говна
а этот что заселился вчера
еще не послал ни разу
так что дерьмо в котором мы —
пока еще не полное
ничего новенький обвыкнет
и будет полный букет

— начнем
почему вы вышли из дома?

*

— дайте таблетку
от головы

я не хочу чтобы у меня
была голова
я устал
ее носить

у нее есть глаза
в них просачивается ядовитый газ
который вы называете светом
и не гасите в час отбоя

я не хочу чтобы у меня
была голова

у нее есть рот —
его предстоит заткнуть

резинovým вонючим илом
который вы пытаетесь выдать за хлеб

я не хочу чтобы у меня
была голова

у нее есть уши
куда вы гаркаете
свои «ркзаспну»
«лцмкстне»
«бстр»

дайте таблетку
как нет?

— нет, потому что мы съели
все таблетки от головы
сами

так что зткнлсь на

*

— кто звонил?

— одиннадцатая
начальник
дай закурить, а
а на прогулку можно
а огоньку дай
одиннадцатая
а сколько времени
а покурить можно
я аккуратно
на прогулку пустишь
душ дай

шаги скрипят в коридоре
ключ хрустит в замке
пока открываются двери
прыг-скок на пол
всем камерным октетом

из-за решетки смотрит
школьник, который ошибся
и вошел не в свой класс:

— так, бл
у меня когда провинилась одна камера,
страдает весь изолятор

*

собака на улице лает
«гав-гав» — ревет в щель окна мужик
а на самом деле на всю камеру

— это ротвейлер
я здесь сидел 7 лет тому назад
и он жил в этом же дворе
капец какой старый
не служит давно, на пенсии
но видишь, не усыпили
я с ним разговариваю
гав-гав!

а я понимаю,
дело не в милосердии
под небом изолятора
он отбывает пожизненное

моя горстка суток
смехотворна
даже одного
скуления собаки
не стóит

*Перевод с белорусского
Владимира Коркунова*